

ЗВЕНО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

подъ редакціей

М. М. Винавера и П. Н. Милукова

„ZVENO“ (Chainon)

Journal Hebdomadaire — Paraissant les Lundis

Directeurs: M. M. Vinaver et P. N. Miloukov

ВЫХОДИТЪ ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ.

За недѣлю

Истекшая недѣля началась въ Рурѣ кровавыми событіями. Она кончается, въ первый разъ послѣ двухмѣсячной оккупации, возрожденіемъ надежды на возможность мирнаго соглашения.

Утромъ 11 марта на тротуарѣ маленькой деревушки Буръ, въ окрѣпѣ Рейна, найдены были трупы двухъ французскихъ солдатъ: су-лейтенанта Колтена, изъ 17 батальона пѣхотныхъ стрѣлковъ, и техникаго агента Жоли, исполнявшаго обязанности начальника железнодорожной станціи въ томъ-же мѣстечкѣ. Можно себѣ представить негодованіе, которое овладѣло французами. На банкѣ стрѣлковъ въ Парижѣ Пуанкаре заявлялъ, что убитые будутъ отомщены и что виновники убійства будутъ наказаны немощно. Военный министръ Мажино, записавшій свою инспекционную поездку въ Руръ, общался передъ тѣмъ же убійцами «неумолимыя репрессалии» и возложилъ на нихъ знаки почетнаго легіона. Вечеромъ того же дня двое предполагаемыхъ убійцъ были арестованы французской полиціей въ Бурѣ и убиты, при попыткѣ ѣхать. Раздраженная толпа, пытавшаяся жечь за нихъ нападениемъ на французскій постъ, вызвала новые выстрѣлы, и пятеро нѣмцевъ изъ толпы было убито.

Въ тотъ же день въ Брюсселѣ произошло свиданіе Пуанкаре съ Тейнсомъ, бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ результатѣ совѣщанія были приняты рѣшенія, внесшія въ положеніе новую ноту. Официальное сообщеніе, появившееся 13 марта, перечисляло прежде всего новыя мѣры, намѣченные совѣщаніемъ для урегулированія доставки угля въ Францію и въ Бельгію, для улучшенія функционированія франко-бельгийскаго управленія желѣзными дорогами Руга и для выдачи разрѣшеній на торговлю иностранными промышленниками. Совѣщаніе согласилось также относительно репрессивныхъ мѣръ въ случаѣ новыхъ покушеній. Вѣроятно, оно стало на ту точку зрѣнія, что Франція не находитъ въ состояніи войны съ Германіей и поэтому мѣры военнаго времени въ данномъ случаѣ непримѣнимы. Но важнѣе всего было конецъ официального сообщенія. «Оба правительства еще разъ согласились не ставить эвакуацію Руга въ зависимость отъ простыхъ общаго Германіи и очистить территорію, вновь занятую на правомъ берегу Рейна, по мѣрѣ выполненія Германіей ея репарационныхъ обязательствъ. Точно также, оба правительства рѣшили не покидать этихъ территорій, не получивъ отъ имперскаго правительства, вмѣстѣ съ снятіемъ наложенныхъ наказаній, твердыхъ гарантій для германскихъ подданныхъ, сотрудничавшихъ съ союзными властями».

Вслѣдъ за официальнымъ сообщеніемъ появились и комментаріи, преимущественно изъ бельгийскихъ источниковъ, подчеркивавшие въ брюссельскихъ рѣшеніяхъ то, что въ нихъ было примирительнаго. Прежде всего отрицательно: Франція и Бельгія еще разъ признали, что ихъ экспедиція въ Руръ не имѣетъ политическихъ цѣлей, а только экономическія, и кончается тотчасъ, когда эти цѣли достигнуты.

Вторымъ германскаго нападенія былъ такъ-же, было признано, что онъ въ достаточной степени разрѣшается занятіемъ лѣваго берега Рейна. Затѣмъ, положительная сторона: общаго постепенное отъступленіе Руга, по мѣрѣ исполненія Германіей своихъ обязательствъ. Конечно, все это еще достаточно неопредѣленно. Но, во всякомъ случаѣ, вопросъ сдвинуто въ брюссельскими рѣшеніями съ мертвой точки, и открывается возможность развитія примирительныхъ шаговъ.

Серьезная перемена въ положеніи, созданная брюссельскими рѣшеніями, объясняется, главнымъ образомъ, позиціей, занятой Бельгіей. Высказанная ею въ Брюсселѣ соображенія проникли во французскую печать (см. особенно статью г. Пертиакса, «Эко де Пари», 16 марта). Мы — страна маленькая, заявляютъ бельгийцы, и союзъ съ одной только Франціей насъ не устраиваетъ. Тѣмъ болѣе, что теперь, съ оккупацией лѣваго берега Рейна французами, для германцевъ осталась уже только одна дорога въ случаѣ наступленія на Францію. Этотъ путь лежитъ черезъ Бельгію. Бельгийцы не хотятъ походить на утку ладу, буксирному большому кораблю, и желаютъ имѣть другую точку опоры въ Англіи. Англія, около ста лѣтъ тому назадъ, помогла имъ освободиться. И теперь они мечтаютъ объ франко-англо-бельгийскомъ союзѣ. Въ Рурѣ они пошли вмѣстѣ съ французами, чтобы сохранить возможность вліянія на ходъ событий и не допустить никакихъ формъ расширенія тѣнища въ Англію. Между тѣмъ теперь эта тѣнь грозитъ расширяться. Отсюда рѣшеніе бельгийцевъ — настоять на примирительной позиціи. Благодаря имъ эта позиція и была занята, правда, невольнѣ рѣшительно, въ Брюсселѣ обоими союзниками.

Настроеніе англичанъ со времени продолженія французскихъ войскъ наперерѣзъ связи ихъ зоны съ Германіей, вслѣдствіе усиленія трудностей для ихъ торговли, несомнѣнно ухудшилось. Это сказывалось въ преніяхъ 13 марта въ палатѣ общинъ, гдѣ либералы вмѣстѣ съ рабочей партией дружно голосовали противъ позиціи правительства въ рурскомъ вопросѣ. Правительство побѣдило только 48-ю голосами (249 противъ 201). Бонар-Лоу формально устоялъ на прежней позиціи, но во вторую половину недѣли «извѣстномъ источнику» разнеслись слухи, что Англія готова получить отъ Германіи ея предложенія и основать на нихъ свое посредничество. Правда, агентство Рейтера разослало официальное опроверженіе этого слуха: германскій планъ долженъ быть непосредственно адресованъ Франціи и Бельгіи. Вѣроятно, это тотъ отвѣтъ, который получилъ въ Лондонѣ и германскій посланникъ Шпамеръ, ежедневно навѣдывающійся въ «Форейнъ Оффисъ».

Турція быстро оповѣстила державы о результатахъ Ангорскихъ преній, но за эти дни не послѣдовало столь же быстрого сообщенія турецкаго контръ-проекта мирнаго договора, составленнаго на основаніи рѣшеній народнаго собранія. Текстъ проекта доставленъ державамъ только во второй половинѣ недѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прежнее оптимистическое настроеніе относительно скорого заключенія мира замѣнилось болѣе пессимистическимъ. Турки представили гораздо болѣе возраженій, чѣмъ ожидалось. Они продолжали считать свои предложенія окончательными. Англія тоже продолжаетъ стоять на прежней позиціи, что въ проектѣ, выработанному въ Лозаннѣ, возможны лишь частичныя и второстепенныя поправки. Въ началѣ этой недѣли въ Лондонѣ состоялось совѣщаніе, на которыхъ установлено будетъ общее отношеніе союзниковъ къ турецкимъ контръ-предложеніямъ. Тамъ же будетъ определено какъ мѣсто, такъ и составъ окончательнаго совѣщанія съ турками. Пока предполагается, что соберутся верховные комиссары въ Стамбулѣ или на Принкипи.

Польша получила отъ совѣщанія послышныя постановленія, окончательное утвержденіе своей восточной границы. Такимъ образомъ, сдѣлана попытка санкционировать заранѣе три несправедливости, — захватъ русскихъ территорій, захватъ Вильны и аннексія Восточной Галиціи. Знакомые съ положеніемъ на Востокѣ Европы знаютъ, что рѣшеніе послѣднихъ ничего окончательнаго рѣшить не

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Поместье о голодѣ

Гельсингфорскъ, 15 марта (соб. кор.). Для оправданія кампаніи въ пользу вывоза хлѣба сейчасъ примѣняется новая тактика. Отданъ приказъ по казенной печати писать поменьше о голодѣ и опровергать слухи о голодныхъ смертяхъ. Во исполненіе приказа «Правда» сообщаетъ: «Въ Харьковѣ вернулись представители ЦКъ послѣдлаго, обследовавшие положеніе на мѣстахъ. По словамъ вернувшихся положеніе въ голодающихъ районахъ дѣлая и трудное, но далеко не безнадѣжное. Свидѣнія о десяткахъ случаевъ голодной смерти не подтвердились. Угроза голода уменьшается».

Ревизія судебныхъ учреждений

Рига, 15 марта (соб. кор.). Комиссариатомъ юстиціи сформированъ особый ревизионно-инспекторскій отдѣлъ для обследованія всѣхъ судебныхъ учреждений.

По заявленію сов. печати, это первая за время существованія сов. власти ревизія судебныхъ учреждений.

Спектакль въ соборѣ

Рига, 15 марта (соб. кор.). Въ Муромѣ сгорѣлъ театр. Мѣстные коммунисты устроили спектакль съ танцами въ Соборѣ, предваряя расклевъ по всему городу афиши слѣдующаго спектакля:

«Православные, сегодня въ Муромскомъ Соборѣ объединеннымъ духовенствомъ первый разъ будетъ поставленъ спектакль».

Пойдетъ пышная комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Неожиданный сюрпризъ» (изъ жизни Авраама и Сарры).

Начало ровно въ 8 часовъ вечера. Участвуетъ весь хоръ Запорожска во главѣ съ соборнымъ протоиереемъ.

Цѣны общедоступны. Шикарный буфетъ съ церковнымъ виномъ.

Послѣ спектакля танцы».

Юбилейный поѣздъ Троцкаго

Рига, 15 марта (соб. кор.). На юбилейной выставкѣ, устроенной въ Москвѣ по случаю пятилѣтія Красной арміи, почетное мѣсто занимаетъ поѣздъ Троцкаго. Въ каталогѣ онъ отмѣченъ такъ: «Поѣздъ Троцкаго — легучій аппаратъ управленія, почта, переломъ и поѣздъ».

Въ рабочемъ кабинетѣ «организатора поѣзда» отъ потолка до пола виситъ карта. Прямими красными стрѣлками показаны пробѣги съ фронта на фронтъ. Поѣздъ мчался туда, гдѣ было колебаніе или пораженіе красныхъ. Отмѣчены стоянки, обыкновенныя и стоянки для «руководства» боями. Указаны мѣста, гдѣ команда поѣзда участвовала въ бою, гдѣ поѣздъ вырвался изъ окруженія, гдѣ онъ терпѣлъ крушенія. По свидѣтельству каталога поѣздъ Троцкаго совершилъ пробѣгъ, равный протяженію экватора, умноженному въ 6 ¼ разъ.

Маневры «Всеовуча»

Рига, 15 марта (соб. кор.). 28-го февраля въ Москвѣ въ районѣ Красной Площади происходили маневры слѣдующихъ писателей: С. Т. Афанасьева, С. Аксакова, Л. Андреева, М. Бакунина, В. Билинского, Гоголя, Гаршина, Герцена, Григорьевича, Грибодова, Гончарова, Достоевскаго, Добролюбова, Жуковскаго, Кравчинскаго, Короленко, Колылова, Крылова, Лермонтова, Лѣскова, Майкова, Михайловскаго, Некрасова, Надсона, Некрасова, Огарева, Островскаго, Пушкина, Рылеева, Рѣшетинова, Радищева, Стол-

Национализація русской литературы

Гельсингфорскъ, 15 марта (соб. кор.). Наркомпросъ объявилъ государственную монополию на изданія произведеній слѣдующихъ писателей: С. Т. Афанасьева, С. Аксакова, Л. Андреева, М. Бакунина, В. Билинского, Гоголя, Гаршина, Герцена, Григорьевича, Грибодова, Гончарова, Достоевскаго, Добролюбова, Жуковскаго, Кравчинскаго, Короленко, Колылова, Крылова, Лермонтова, Лѣскова, Майкова, Михайловскаго, Некрасова, Надсона, Некрасова, Огарева, Островскаго, Пушкина, Рылеева, Рѣшетинова, Радищева, Стол-

можетъ и только ухудшаетъ положеніе Польши при всякомъ будущемъ международномъ замѣшательствѣ. Остается пожалѣть объ этомъ неумномъ и ложномъ шагѣ, затрудняющемъ будущія русско-французскія отношенія.

пичаго, Тимирязева, Л. Н. Толстого, А. К. Толстого, Тургенева, Тютчева, Успенскаго, Фета, Фопянина, Чернышевскаго, Якубовича.

Наставники национализированныхъ авторовъ вознаграждаются согласно декрету.

Гибель посѣвовъ

«Красная Газета» сообщаетъ, что по послѣднимъ свѣдѣніямъ въ Россіи уничтожено посѣвовъ: 2.454.000 десятинъ — отъ сарани и 12.340.000 десятинъ отъ посѣвовъ.

Кладбища подъ огородами

Въ Москвѣ ликвидируются 22 кладбища при монастыряхъ. Кладбища превращаются въ огороды.

«Не хлѣбомъ единымъ»

Органъ профсоюзовъ «Трудъ» рекомендуетъ безработнымъ посвятить свой «допускъ» самообразованію. Газета резонно доказываетъ, что отдохнувшій безработный куда болѣе способенъ воспринять знаніе, чѣмъ рабочий, уставшій отъ ежедневнаго труда.

На грубые требованія со стороны безработныхъ хлѣба «Трудъ» назидательно замѣчаетъ, что не хлѣбомъ единымъ живъ будетъ человѣкъ».

На мышинномъ фронтѣ

По сообщенію «Эк. Жизнь» въ Ставропольской губ. объявлена трудовая мобилизація для борьбы съ полевыми мышами.

Новыя рукописи Чехова

Въ музей академическаго театру, по сообщенію совѣтской печати поступили неопубликованныя до сихъ поръ рукописи Чехова, среди которыхъ имѣется новый вариантъ «Трехъ сестеръ».

Повстанческое движеніе

Въ Подольскомъ губернаторѣ случилось дѣло Левченко и его соучастниковъ, обвинявшихся въ вооруженныхъ выступленіяхъ противъ совѣтской власти и цѣлымъ рядомъ убійствъ ответственныхъ работниковъ. Левченко въ теченіе 3 лѣтъ оперировалъ въ Подольской губ. Среди обвиняемыхъ выделялась группа женщинъ съ среднимъ и высшимъ образованіемъ, игравшая роль санитарнаго отряда.

Левченко — б. офицеръ именуется себя «социалистическо-буржуазистомъ». Судъ приговорилъ его къ расстрѣлу.

По голоднымъ мѣстамъ

Корреспондентъ «Извѣстій» пишетъ: «Зимой 21—22 года Царицынская губ. пережила ужасы голода: люди десятками съходили съ ума, бросались въ колодези, вѣи грязь или навозъ».

Голодъ не изжитъ, сейчасъ голодаютъ 190 тыс.

Буду по Усть-Медвѣдицкому округу. Вотъ хуторъ: 15—20 хатъ темнымъ патнымъ залезли на краю глубокой балки. Тихо, мертво. Вхожу въ хату. Сидятъ люди за столомъ и ѣдятъ какую-то горячую бурду, закусывая чѣмъ-то, совсемъ не похожимъ на хлѣбъ.

— Что вы ѣдите? — спрашиваю.

— А вотъ посмотрите, — хмуро откликается, «хозяинъ»-казакъ, глава семьи. Смотрю, пробую: въ глиняной чашкѣ горячая вода съ вареной кашею, въ рукахъ хлѣбъ изъ дубовой коры и жолудей.

Буду дальше. Опять хуторъ и опять то же: водная бурда изъ валуновыхъ листьевъ и дубовый хлѣбъ.

Говорю: — Какъ же такъ? Кажется, послѣдній урожай былъ не такъ ужъ плохъ... Гдѣ же хлѣбъ?

И слышу отвѣтъ: — Пестрый болно урожай былъ. У кого урода было непохоже, а кто по три пуда съ десятины собиралъ.

И вотъ тотъ, у кого «было непохоже», сидитъ и ѣстъ сытный, а рядомъ питаются дубовой корой.

«Пестрый былъ урожай, — «пестрый» и голодъ».

Буду дальше, и опять тѣ же «пестрыя» картины: сытый, голодный, сытый, голодный; одинъ ѣстъ пока хлѣбъ, другой ѣстъ уже жолуди и арбузные корки.

Кругомъ разговоры о томъ, что Емельяны Кривой «умеръ съ голода», тетка Духиха съ дѣтми «умираетъ съ голода», что въ хуторѣ Кривой Музгъ давно уже питаются гнилыми «арбузными корками, да и тѣ на исходе».

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА:

Обзоръ «За недѣлю». — Послѣднія извѣстія. — Повелительный долгъ СЕРГѢЯ ШТЕРНА. — Покаянный разсказъ: Съ покойника АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА. — Стихотворенія: Краснознамен. Несогласныя рифмы. Кошачье — З. ГИППИУСЪ. — Три встречи съ Блокомъ (Воспоминанія) К. БАЛЬМОНТА. — Русскія поэтессы II. Зинаида Гиппиусъ К. МОЧУЛЬСКАГО. — Въ «Салонѣ Независимыхъ». — Русскія поэтессы АНДРЕЯ ЛЕВИНСОНА. — Шпенглеръ А. КУЛИШЕРА. — Хроника литературы и искусства: «Тайная мудрость Востока» Д. С. Мережковскаго. Петербургскія театральныя постановки русскаго театра въ Парижѣ. Въ Петербургскихъ театрахъ. — Россія. — Опыты о книгахъ (Леконтъ де Лилъ). Эрини. Переводъ М. Лозинскаго. К. В. — «Завтра». Литературно-критическій сборникъ. Е. М. — Д-ръ Д. С. Пасманикъ Русская революція и еврейство. П. Е. Академическая жизнь. — Шахматы, подъ редакціей Е. А. ЗНОСКО-БОРОВСКАГО. — Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:		Для подписчиковъ:		ABONNEMENTS:		Pour les abonnés:	
Во Франціи:	За-границей:	Во Франціи:	За-границей:	France:	Etranger:	France:	Etranger:
На 1 мѣ. 1.50	На 1 мѣ. 2.50	На 1 мѣ. 1.50	На 1 мѣ. 2.50	1 mois 1.50	1 mois 2.50	1 mois 1.50	1 mois 2.50
» 3 мѣ. 4.50	» 3 мѣ. 7.50	» 3 мѣ. 4.50	» 3 мѣ. 7.50	3 mois 4.50	3 mois 7.50	3 mois 4.50	3 mois 7.50
» 6 мѣ. 8.00	» 6 мѣ. 11.00	» 6 мѣ. 8.00	» 6 мѣ. 11.00	6 mois 8.00	6 mois 11.00	6 mois 8.00	6 mois 11.00
На годъ 15.00	На годъ 20.00	На годъ 15.00	На годъ 20.00	Un an 15.00	Un an 20.00	Un an 15.00	Un an 20.00

Пріемъ подписки и объявленій въ конторѣ «ПОСЛѢДНІХЪ НОВОСТЕЙ», 22, Rue d'Anjou, Paris (8°)

Телефонъ: Élysées 35-58

Цѣна отдѣльнаго номера: Во Франціи 35 сент. — За-границей 50 сент
Le prix du numéro: France 35 c. — Etranger 50 c.

Повелительный долгъ

Рѣшеніе Американской Организациіи Помощи прекратить съ 1 апрѣля с. г. пріемъ посылокъ для Россіи поразило всѣхъ.

Чѣмъ мотивируется это рѣшеніе? Приводимъ эту мотивировку текстуально изъ официального объявленія:

«Условія въ Россіи значительно измѣнились и цѣны на продукты понизились, и теперь явилась возможность перевести въ Россію деньги въ валютѣ на обычныхъ основаніяхъ, при посредствѣ коммерческихъ и финансовыхъ учрежденій».

Въ этой мотивировкѣ многое недоговорено, многое преувеличено. Пониженіе цѣнъ на продукты является не всеобщимъ и не длительнымъ. Самыя посылки АРА вліяли на это пониженіе цѣнъ, есть основаніе опасаться, что прекращеніе этихъ посылокъ, увеличивъ спросъ на продовольствіе и одежду, повыситъ ихъ рыночную расцѣнку. Имѣющихся сейчасъ въ обращеніи продуктовъ едва ли хватитъ при прекращеніи подвоза американской организациіи и можно опасаться исчезновенія съ рынка нѣкоторыхъ продуктовъ и рѣзкаго повышенія цѣнъ на нихъ.

Все это было бы, можетъ быть, не столь грозно, если бы, дѣйствительно, имѣлась возможность замѣнить продовольственные и вѣщныя посылки денежными переводами въ иностранной валютѣ. Однако, надежды на такую замѣну совершенно иллюзорны. Навѣрное съ того, что переводить деньги можно далеко не во всѣхъ странахъ, а лишь въ нѣкоторые большіе города. Затѣмъ, переводъ валюты въ Россію обходится очень дорого: минимальная комиссия, взимаемая за эти переводы, — 16 проц., но часто и гораздо дороже.

Самый выборъ валюты, въ которой производится переводъ, даетъ почву для различныхъ «комбинацій». Въ сколотили, скажемъ, 100 франковъ, хотѣли ихъ перевести въ Россію семьѣ. Васъ убеждаютъ, что въ данную мѣстность выгоднѣе всего переслать германскія марки, на что Вы даете согласіе и получаете квитанцію на переводъ указанною вами лицу такой-то суммы марокъ. Проходятъ 3—4 мѣсяца томительныхъ ожиданій, запросовъ въ «контору». Вдругъ — васъ извѣщаютъ, что перестаньте вами марки не могли быть вручены адресату и предлагаютъ получить ихъ обратно. И вы получаете обезпеченіе по много разъ германскіе кредитные билеты, потерявшие тѣмъ временемъ чуть-ли не 1000 проц. ихъ стоимости.

Отсутствіе гарантій при отправкѣ денегъ въ Россію соотвѣтствуетъ отсутствію гарантій для ихъ получателей. Сегодня совѣтская власть терпитъ полученіе изъ за границы валюты, завтра — она объявитъ это полученіе криминаломъ. Въ лучшемъ случаѣ — объявитъ принудительный курсъ и обязательный размѣръ въ казахъ Гобсбана. И сейчасъ уже не всѣ получатели иностранной валюты успѣваютъ выгодно ее сбить, многие, отправляясь въ официальные совѣтскія учрежденія, получаютъ по официальному курсу, многимъ разнѣмается отъ существующаго на частной, тайной или полутайной биржѣ. Цѣлыя категоріи получателей валюты — жепщины, старики, дѣти, — безпомощны передъ всѣми тѣми фактическими затрудненіями, которыя вступаютъ передъ ними въ моментъ размѣна. И только опытные въ торговыхъ операціяхъ люди смогутъ болѣе или менее выгодно превращать прислазанную имъ иностранную валюту въ совѣтскіе госзнаки. Единственный способъ обезпечить правильныя размѣны и дешевую отправку валюты — это, если АРА возьмется за эту операцію и поставитъ ее на должную высоту.

Наши друзья — американцы успокаиваютъ себя мыслью, что продукты, выдаваемые имъ сейчасъ сейчасъ на рынокъ менѣе 10 долларовъ. Но, вѣдь, иначе и быть не можетъ, такъ какъ еще 16 мѣсяцевъ тому назадъ, начинала работу въ Россіи, американская организациія объявила, что будетъ выдаваться продуктовъ на 7 ½ долларовъ, а 2 съ половиной доллара или 25 проц. стоимости каждой посылки будутъ обрабатываться въ фондъ кормленія дѣтей. Но достаточно сократить это отчисленіе, или даже совсѣмъ его отбросить, если ужъ иначе нельзя, и продукты станутъ получаться по

цѣнѣ и качеству, приближающимся къ рыночнымъ.

Надо со всею рѣшительностью констатировать, что пока не подымается производительность въ Россіи, пока не вырастетъ покупательная способность населенія, и подвозъ продуктовъ въ центральныя потребленія не станетъ нормальнымъ — продовольственные посылки изъ за-границы останутся необходимымъ подспорьемъ, отсутствіе котораго грозитъ ужасами голода.

Есть одинъ моментъ, особенно усиливающий эту опасность оказаній, однако, — какъ это ни странно — несомнѣнное вліяніе на рѣшеніе АРА, хотя о немъ официальное сообщеніе умалчиваетъ. Это — вывозъ большенствомъ за-границу зерна. Экспортъ зерна въ моментъ, когда населеніе пѣхлыхъ областей Россіи голодаетъ, естественно, парализуетъ энергію тѣхъ изъ иностранцевъ, которые оказывали помощь голодающему населенію Россіи. Ибо трудно мобилизовать средства для продолженія помощи, когда совѣтская власть вывозитъ для продажи хлѣбъ, собранный ею въ качествѣ промѣнаго за населенія областей, имѣвшихъ въ 1923 г. недурной урожай. И совершенно правильно комитетъ русскихъ организациій въ Финляндіи по оказанію помощи голодающимъ въ Россіи обратился недавно съ протестомъ по поводу вывоза хлѣба въ Лигу Націй. Междунациональный Комитетъ Краснаго Креста, Американская Администрація Помощи, Комиссаріатъ Д-ра Нансена и Финляндскій Красный Крестъ, прося озабоченныя организациіи подыять своей авторитетный голосъ въ защиту интересовъ голодающаго населенія Россіи и принять зависима отъ нихъ мѣры къ побужденію сов. власти прекратить продажу хлѣба за-границу.

Въ Финляндіи вывезено 3 милліона килограммовъ ржи изъ сѣверныхъ губерній, вывозятся хлѣбные злаки въ Кубань, гдѣ былъ сносный урожай. Вывозъ съ кога производится изъ Новороссійскаго порта, а сѣднѣе черноморскія порты — Одесса, Феодосія, Севастополь испытываютъ острую нехватку въ хлѣбныхъ продуктахъ.

Большевикамъ трудно противопоставить возмущенію по поводу ихъ вывоза хлѣба-экспортной «политикѣ», какіе-либо убѣдительные доводы. И они пустились въ оборотъ смѣшную версию о томъ, что протесты противъ экспорта русскаго хлѣба объясняются... защитой интересовъ американскихъ фермеровъ. Замѣтителъ и поминиатъ Красная по управленію Вѣйшторгомъ, не постѣснялся недавно официально заявить буквально слѣдующее:

«Съ того момента, какъ Россія прекратила экспортъ хлѣба, т. е. съ начала 1923 г., американскіе фермеры имѣютъ возможность получать за свой хлѣбъ 30—50 проц. выше довоенныхъ ценъ. Они опасаются нашего вытѣсненія».

Нѣтъ, конечно, нужды опровергать эту басню, ибо ни 3, ни 30, ни 300 юнѣвыхъ килограммовъ ржи, вывезенныя большевиками, не можетъ оказать сего вліянія на конъюнктуру мирового рынка. Но для прокурорскія поджигателей эти милліоны килограммовъ ржи несомнѣнно пригодились бы. Л. якомъ случаѣ, для угашенія энтузіазма жертвователей на дѣло кормленія голодныхъ въ Россіи вывозъ 3000 тоннъ ржи можетъ оказаться роковымъ.

Слѣдуетъ ли иностранной организациіи на всѣ эти доводы, мы не знаемъ; но передъ лицомъ новой опасности выступило повеленіе долгу русскихъ организациій помощи. Минувъ всѣ препятствія, преодолевая всѣ рогатки, русскія организациіи, работающія за рубежомъ, должны не покладая рукъ, работать надъ усиленіемъ помощи голодающимъ въ Россіи. Ослабленіе дѣятельности или даже отпаденіе той или иной иностранной организациіи отъ дѣла не можетъ ослабить помощь голодающимъ въ Россіи. Напротивъ, наоборотъ, усиливаетъ энергію, надо искать новыхъ путей и возможностей. Землемѣрскіе комитеты, землемѣрскіе комитеты помощи голодающимъ, являющіеся сейчасъ болѣе, отъчужденіе и важное дѣло, но, завтра, если иностранная помощь ослабѣетъ и прекратится, работа землемѣрствъ и всѣхъ другихъ русскихъ комитетовъ помощи голодающимъ станетъ еще отвѣтственнѣе. Рѣшъ, что о спасеніи милліоновъ соотечественниковъ, о сохраненіи въ Россіи тысячъ столь нужныхъ работниковъ, о помощи строителямъ новой Россіи.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Не огласные рифмы

Вь утлу, подь образомъ
Горитъ моя медовая свѣча.
Весной, какъ осеню,
Горитъ твоя прозрачная душа.
Душа, сестра моя!
Какъ я люблю свѣчи вудравый кругъ.
Молчу отъ радости,
Но ангелы твои меня поймутъ.

Красноглазое

Схватило, заперло, оставило
Многоголовое оно.
Вь походной кельѣ замуравило
Мое послѣднее окно.
О пусть бы яма одинокая
И темь, и тишь, и холодъ пилтъ!
Но я не зналъ, что Красноокое
Меня и съ Нимъ разъединитъ.
Разъединило! Нѣту доступа
Ему ко мнѣ и мнѣ къ Нему.

Три встрѣчи съ Блокомъ

Бываютъ встрѣчи совѣсьмъ бѣглыя,
какъ будто вовсе незначительныя, и дли-
тельность ихъ малая, всего лишь нѣ-
сколько секундъ или минутъ, а память отъ
нихъ остается — и свѣтитъ съ достовѣр-
ностью далекаго зарева зари, съ неусто-
йчивостью тонкаго шарама на рукѣ отъ
дающаго секунднаго прикосновения
судачнаго клычка.

Много было у меня въ жизни разныхъ
встрѣчъ, и съ людьми самыми различными.
Съ писателями русскими послѣднихъ
десятилѣтій мнѣ приходилось въ то или
иное личное соприкосновение вступать
хоть на краткое время съ очень многими,
и о многихъ могу сказать, что всякая
память о нихъ въ моей душѣ исчезла, о
другихъ могу сказать, что я могъ бы съ
ними не встрѣтиться никогда, къ тремъ
нимъ, немногимъ, такимъ, какъ Юргисъ
Балтрушайтисъ, Вячеславъ Ивановъ,
Марина Цвѣткова, душевное мое устрем-
ление настолько сильно, — и такъ таин-
ственно, — по видимости безпричинно,
— остра и велика моя радость отъ каж-
дой встрѣчи съ ними, что явно, насъ сводя-
ющихъ какое-то скрытое, духовное соеди-
ненье, и хочется сказать, что мы гдѣ-то
уже были вместе, на иной планетѣ, и
встрѣтились снова на планетѣ новой въ ми-
ровыхъ нашихъ блуданяхъ.

Блокъ, въ моей жизни, не входитъ въ
указанные разряды. По прихоти обстоя-
тельствъ жизни, и его, и мой, мы встрѣ-
тились всего лишь разъ, пять, и только
три изъ этихъ немногихъ встрѣчъ запали
мнѣ въ сердце и запали незаблудимо.
Между тѣмъ, совѣсьмъ ничего особеннаго
не было въ этихъ встрѣчкахъ. Я даже
лишь приблизительно помню даты этихъ
встрѣчъ: Первая — въ домѣ С. А. Соколо-
ва-Кречетова, основателя въ Москвѣ
издательства «Графъ» — кажется,
въ 1903 году; вторая, должно быть, въ
1913 году, въ книгоиздательствѣ «Сир-
инъ», въ Петербургѣ; третья — въ до-
мѣ Федора Сологуба, въ Петербургѣ же,
если не ошибаюсь, въ 1915 году. Но вотъ,
хоть даты указываютъ шатко, и могу въ
каждой ошибиться на годъ, эти встрѣчи
живутъ во мнѣ ярко, — и съ четкостью,
съ яркостью лучистой, какъ это бываетъ

Не уловлю я легкой поступи
И усть къ одеждѣ не прижму.
И если въ дверь мою желѣзную
Онъ постучитъ — услышу-ль я?
Нѣтъ, рву какъ тропку безполезную
Я мой остатокъ бытій.

Кошачье

Не понимаю ласки льнущей,
Мнѣ гибкость зыбка чужда.
Не знаю мягкости, зовущей
Лукавымъ «нѣтъ», лукавымъ «да».
И томъ пушистаго обмана
Постигнуть мнѣ не суждено
Я ненавижу валерьяну
Противобѣднѣ запаха... Но —
Мила мнѣ крышная дорожка
И мѣсяцъ мартъ меня вачетъ.
И очевидно анти-кошка.
Но можетъ-быть не анти-котъ.

З. Гиппиусъ

въ красивомъ или жуткомъ или жутко-
красивомъ снѣ, я вижу сейчасъ красивое
мужественное лицо Блока, его глубокие
умные глаза, слышу его голосъ, полный
скрытаго значенія, его немногословная
рѣчь говоритъ душѣ много, я ощущаю
тишину Блока, въ моей душѣ, дрогнувъ
отъ соприкосновения съ зоркимъ духомъ,
возвращается ея собственная, ея собствен-
ная съ нею содружная, тишина, и я снова
и снова чувствую боль и нѣжность, безпри-
чинную любовь къ братской душѣ, кото-
рая идетъ неизъяснимо-труднымъ путемъ,
но не скажетъ, никому не скажетъ о сво-
ихъ великихъ трудностяхъ, о своемъ не-
избѣжномъ одиночествѣ, и вотъ сейчасъ
уйдетъ, чтобы безгласно и глубоко гово-
рить съ далью и съ вѣтромъ и съ мерца-
ющимъ снѣгомъ и съ звѣздами въ холодной
выси и съ перебивающимъ, самому себѣ
противорѣчащимъ, самому себя жалю-
щимъ, звонкомъ далекаго колокольчика.

Отъ дѣтскихъ дней я люблю снѣгъ, съ
той степенью нѣжности и душевной ра-
скрывости, съ какою люблю живое су-
щество. Въ мерцаніи снѣга, будь то сол-
нечный полдень или лунная полночь, такъ
много глубокаго говора, что душа соглас-
на и хочетъ и можетъ говорить со снѣ-
гомъ безъ конца. Снѣгъ притягиваетъ,
но и удерживаетъ, близкая его манитъ
— и останавливаетъ. Я люблю снѣгъ
какъ живое существо, но мнѣ не придетъ
желаніе наклониться и поцѣловать снѣгъ.
Такое свойство — что-то изъ этого очаро-
ванія снѣжнаго царевича, — присут-
ствуетъ полюбому въ повѣсти Блока. Что
то изъ этого было и въ очарованіи его
жизненнаго лика. Моя ли застѣнчивость,
его ли застѣнчивость, или гордость, или
что иное, но въ Блокѣ мнѣ казалось, въ
одноречивости, замкнутой равнодуш-
ности силы притягивающей и силы удержи-
вающей, если не отталкивающей. Это
было во всѣхъ трехъ встрѣчахъ, о которыхъ
я говорю.

Первая встрѣча — въ рамѣ дружеска-
го юнаго пира, въ свѣтѣ утреннихъ зорь,
въ правдѣ многихъ, соприкоснувшихся
на мнѣ, поэтическихъ душъ, изъ кото-
рыхъ каждая, внутреннимъ ясновидѣ-
ніемъ, четко сознавала и знала про себя,

что путь предстоящій — богатый и пол-
ный достижений. И въ этотъ первый мигъ
свиданія юноша Блокъ показался мнѣ
истиннымъ бѣстникомъ. Третья встрѣча,
за дружескимъ ужинкомъ у Сологуба,
очаровательнаго поэта, очаровательнаго
хозяина, и человека съ острыми, прона-
женными умомъ, являла мнѣ Блока чи-
тательски замѣчательнымъ поэтомъ, и онъ
мнѣ казался подавленнымъ этой
любовью цѣлой жизни, онъ былъ похожъ
на рыцаря, который любитъ Неодоли-
мую, и сердце его истекаетъ кровью отъ
любви, которая не столько есть счастье,
сколько тяжелое, бережно несомое, бре-
мя. Казалось, что Блокъ поникнулъ, при-
гнулся, что тяжесть, которую онъ несетъ,
была слишкомъ велика даже и для его
сильныхъ рукъ, даже и для его упрям-
ства, священнаго какъ обѣтъ Средневе-
ковья. Вторая встрѣча, когда онъ сидѣлъ
въ углу молча, и мы обмѣнивались лишь
двумя-тремя словами, всего краснорѣчи-
вѣе сейчасъ поетъ въ моей памяти. Я ни-
когда не видалъ, чтобы человекъ умилъ
такъ красиво и выразительно молчать.
Это молчанье говорило больше, чѣмъ ска-
жетъ какими бы то ни было словами. И
когда я ушелъ изъ той комнаты, а Бло-
ка мнѣ женщина, бывшая въ той же
комнатѣ, еще оставалась тамъ около ча-
су, Блокъ продолжалъ сидѣть и молчать,
— и вотъ, чуть не черезъ десять лѣтъ
послѣ той дня, вспоминая о той же
встрѣчѣ, эта женщина говоритъ, что,
уйдя, она отдала себѣ отчетъ, что Блокъ
ничего не говорилъ, но что это молчанье
было такъ проникновенно, оно было та-
кое, что ей казалось, будто все время
между ею и имъ былъ неизъяснимо-зна-
чительный глубокий разговоръ.

Кто знаетъ Блока, — и знаетъ его боль-
ше, чѣмъ я, — тотъ знаетъ, что въ сло-
вахъ моихъ о немъ — часть истинная,
очарованія этого исключительна-поэтиче-
скаго поэта. Кто не знаетъ, тому слова мои
могутъ показаться невыразительными и
мало что говорящими. Можетъ быть. Но
когда осенью 1921-го года я узналъ, что
Блокъ ушелъ, и такъ трагично, — я не
вспомнилъ, что его жуткая и яркая поэма
«Двенадцать», когда то очень заинтере-
совала и очень огорчила меня, — я, быть
можетъ, — цѣлымъ тономъ на Брегскомъ
бережьи слыша, изъ дня въ день и изъ
ночи въ ночь, довременную пѣсню Оке-
ана, — не очень четко вспомнилъ, какъ
глубоко я восхищался когда-то «Собо-
льскими Садомъ», поэмой, какихъ немно-
го даже въ Русской Поэзіи, хоть Русская
Поэзія послѣднихъ десятилѣтій самая
богатая и звучная изъ всѣхъ поэтиче-
скихъ творчествъ на Землѣ, — но три
эти встрѣчи съ Блокомъ, о которыхъ мнѣ
такъ же трудно рассказать, какъ о снѣ-
гѣ, ибо сонъ, пока его рассказываешь, тае-
тъ, возникли во мнѣ настойчиво, и память о
нихъ не давала мнѣ покоя до тѣхъ поръ,
пока въ безсонную ночь октября я не на-
писалъ свои строки «Свѣтлому Имени», а
утромъ и въ послѣдующее наступившаго
солнечнаго дня не записалъ, на бере-
гу все помнящаго и все смысловаго
Океана, «Вѣстникъ», и «Снѣжный
Листъ»).

Игрою случая, стихи эти до сихъ поръ
не были напечатаны. Они возникли въ
мой морские часы неварушимаго одно-
чества, когда съ тонкимъ звономъ въ мою
комнату залетали осенняя осея, и Блокъ
мнѣ казался такимъ дорогимъ и близ-
кимъ, какъ соловей въ несенномъ кустѣ,
который поетъ мнѣ пѣсню, но улетитъ,
если я къ нему подойду, и какъ свѣже-
выпавшій снѣгъ, который не нужно ка-
саться даже прикосновеньемъ поцѣ-
луя.

К. Вальмонтъ

*) «Снѣжный Листъ» напечатанъ въ
№ 4 «Звена».

Русскія
поэтессы

П. Зинаида Гиппиусъ

«Я считаю мои стихи... очень обособлен-
ными, своеобразными, въ своеобразности
однородными, а потому для другихъ
неужными — писала З. Гиппиусъ въ
предисловіи къ своему первому сборнику
стиховъ.

Да, конечно, неужными, потому что
непонятными. Любители «женской» по-
эзии, изящныхъ и изящныхъ признаний
сердца, любовной невольной шепоткомъ не
пойдутъ за поэтомъ, который говоритъ о
себѣ въ мужскомъ родѣ, ни о какомъ
«шармѣ» женственности не заботится —
даже не описываетъ своей наружности и
туалета. Развѣшенный воздухомъ, оран-
жерей и будара, убавкальный пестло-
нымъ пѣсенками «про любовь», этотъ чи-
татель никогда не постыдится за суро-
вымъ и непригляднымъ поэтомъ. Да и
забѣтъ ему предпринимать это мучитель-
ное восхождение? Куда его приведутъ?

Вина все было такъ уютно и «краси-
во»: романтическая дорожка извивалась
между грациозными клубами, въ мѣру
печально догорать закатъ, томно пѣли
птицы...

А здѣсь — какой угрюмый ландшафтъ:
выжженная солнцемъ пустыня, острые
камни, ржавая неживая трава. И если, за-
дыхаясь на пронзительномъ вѣтрѣ, изме-
нясь отъ влетающаго сверху луча, —
онъ спроситъ своего молчаливаго сущ-
ства: «Когда кончатъ?» — услышитъ на-
смѣшливое: «Никогда». Во времена Тют-
чева поэма поэмы описывала въ неяс-
ныхъ кругахъ. Размахомъ крыльевъ оха-
тыла мѣра — и «блестательный» по-
воръ дня и «черный хаосъ». Теперь она
вылетаетъ прирученной птицей надъ одной
точкой. Изъ космической она стала пси-
хологической — «лирикой душевныхъ
переживаній».

«Духовность» намѣремы мы хо-
досветную цѣнность стиховъ. Пригласи-
даемся къ близорукимъ къ нюансамъ,
деталямъ, стрихамъ; выходящая въ тех-
нику фарфоровыхъ табакерокъ. Это такъ
«интимно!» З. Гиппиусъ не только не
культивируетъ духовности — она откры-
то ее презираетъ. Въ одномъ своемъ сти-
хотвореніи она говоритъ, что душа иску-
шала ея Любовь:

Потомъ душа бездумная, — опять с-
лая сила,
Привычное презрѣніе и холодъ возра-
стала.

И это заявленіе не случайно. Съ какой
дрожью отрешенія говорится о душѣ въ
другомъ стихотвореніи:

Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она злая.
Меня изранила противно-жгучая
Ея колючая чешуя.

И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная — моя душа!

Поэту открылась истина, непохожая на
всѣ земныя правды. Она знаетъ, что ду-
ша — не самое высшее, не самое послѣд-
нее, что ее нужно преодолѣть, поглотить.
Разъ душа не абсолютъ — она ложь. Съ
момента прозрачной начинается борьба и
одиночество. «Я не съ чужой, я чуждой
вырв!» — вотъ основа этого творчества.
И всѣ слова, конечно, «неужныя» —
кто самъ не попытается, не пойметъ

«Мнѣ кажется, что истину я знаю —
И только для нея не знаю словъ.
Отсюда — пародоксальный характеръ
поэзіи Гиппиусъ: безомысленно выражено въ
словахъ, всѣ средства художественной рѣ-
чи призваны къ самосожженію.

«Душа», о которой пишется въ учебни-
кахъ психологіи, обыкновенно наполняется
различными «процессами». Материа-
ломъ для лирики преимущественно служ-
жатъ такъ называемыя «мимы». Преодо-
лѣть душу — не въ планѣ религіознаго,
а въ планѣ поэтического означало бы
уничтожить ея эмоциональность. И Гип-
пиусъ дѣлаетъ это съ силой и дерзостью
огромными. Въка и въка лирика питалась
чувствами, тысячекратно она росла лю-
бовь. З. Гиппиусъ бросаетъ свой вызовъ:

«Я счастье ненавижу,
«Я радость не терплю (серенада)
«Въ свободѣ счастье и въ недовѣрѣ»
(Не любовь).

«Я имъ подражаю. Никого не люблю.
Ничего не знаю. И тихо сплю»
(Въ гостинной).

* О мука! О любовь! О неукротимая!
И головы предъ вами не склонялъ
(Соблазнъ).

Миръ — успокоенной душѣ моей.
Ничто ея не радуетъ, не ранитъ
(Иди за мной)

Такъ одинъ за другимъ, послѣовательно
и неутомимо снимается она покровы со
своей души: разсматриваетъ ихъ на свѣтѣ
— тотъ ослѣпительный свѣтъ, кото-
рый когда то ослѣпилъ ея сознание — и
они кажутся убого — раскрашенными,
живыми. Тогда безъ жалости и стыда
они срываютъ. Даже молитва, выражена-
ная въ словахъ, измѣняетъ своему по-
длинному смыслу. Ядъ чувства разлитъ
въ образъ и ритмахъ, отравляетъ ее.
И эта «земная сладость», проникающая
въ духовное — самый страшный собла-
знъ. Здѣсь нужно последнее усилие,
мучительнѣйшее признаніе:

Стараясь скрыть отъ нихъ, что лгу,
О правдѣ Божіей толкую,
И такъ веду мою игру,
Хоть притворяться надобно...

До правды мнѣ какое дѣло?

Изъ какой точки и изъ какого предѣла-
наго отчаянія могли родиться такіе сло-
ва? Въ нихъ было слишкомъ страшно вду-
мываться и ихъ просто не замѣтили. Но
вотъ кончено: душа опустошена и обна-
жена до дна. Остатки, она глядитъ на
мутный, одиночный миръ. Отрѣзанная
отъ чувствъ, отмираетъ воля; красота
развивается, какъ самозванка

И люди, зло и разло,
Слышано, какъ плача:
Безумно — безобразно
И грубо — непонятно

Слѣпыя небеса давятъ могильной плы-
той, мѣшаютъ свѣтитъ мертвенно, «Ябло и
сладко дышитъ тѣнью». Будто смотрѣшь
на этотъ страшный миръ черезъ «желтое
стекло» — дымная, ржавая, черная —
опаленная земля!

А въ другомъ стихотвореніи однообраз-
но возвращаются строки!

Пуста пустыня дождевая...
Страшна пустыня дождевая...
Одна пустыня дождевая,
Дневная ночь, ночные дни

Острое сознание небытия на мгновенье
выполняется въ напряженные образы.
Вспыхиваетъ нестерпимымъ блескомъ, что-
бы разбудить мракъ, вылетаетъ въ «про-
тяжной пѣснѣ», — покрывается жу-
ткимъ шумомъ, вскрикиваетъ отъ ужаса — и
слова все темнею. Но и ужасъ — тоже чув-
ство — въ действительности его нѣтъ: ни-
чего нѣтъ.

И страхъ мой — и тотъ притворный:
Я радъ, что кругомъ темно
(Черный серпъ)

Никто изъ русскихъ поэтовъ послѣ
Тютчева не прислушивался такъ прона-
женно къ голосамъ ночи, не стоялъ такъ
долго на порогѣ «двойного бытія», какъ
З. Гиппиусъ. Даже стилистически нѣкто-
рые ея стихи напоминаютъ Тютчева.

Напр. «Я древній хаосъ, я другъ твой
давній»

Или: «Храни, храни ея ключи
И задыхайся и молчи»

Но небытіе съ его отрицательными ат-
рибутами — безомысленно, безвольнѣ,
бездолготностью не цѣла, а путь. Смерт-
ное томленіе не успокоится въ немъ, прой-
детъ и этотъ мигъ — сильнѣйшій. Трудно
разбирать «стихи», становящиеся за-
писью мистическаго опыта: поэтъ борется
съ «сблуженіемъ уединенія, который
никто еще не побѣдилъ», съ «тихой ра-
достью смерти», съ «блаженностью безво-
лѣя».

Путь Духа лежитъ черезъ пустыню:
только она рождаетъ святыхъ и пропо-
ковъ; во изъ ея песковъ выплываютъ
«черненькіе», «дьяволяты», «темненькіе
духи земли»; эти испушенные поэты объеди-
няются въ одномъ поразительномъ обра-
зѣ:

«Нѣжное лпшманье сатаны».

Порожденія тьмы, жуткія и гротескныя
образы: съ отчетливостью галлюцина-
цій. Въ поэзіи Гиппиусъ действитель-
ности превращается въ призраки, и при-
зраки становятся явью. Этотъ «злакомый,
блѣднѣйшій и скромный» духъ земли
усердно сосущій леденечъ — единствен-
ный живой въ царствѣ мертвыхъ.

Въ тѣбѣ духовности — зарожденіе
духовности. И неземная любовь все за-
мѣняетъ въ себѣ и «всему тварному даетъ
бездомную душу». Это послѣднее восхо-
жденіе — чисто религіозное. Понятно,
почему свои стихи поэтъ называетъ мо-
литвами. Поэзія Гиппиусъ всегда будетъ
«особенной» и «неузнанной» для толпы.
И въ этомъ ея сила.

К. Мочульский

Въ „салонъ
независимыхъ“

З. Русскій вкладъ

Приношу читателю повинную; попы-
тавшись, въ духѣ послѣдствительныхъ
статей о «Салонѣ» раскрыть общій
смыслъ современнаго, я уклонился
отъ плановитаго освѣщенія материа-
ла. Каюсь: началъ съ того, что рас-
сказалъ твердую скорлупу, испол-
нилъ, быть можетъ, важнѣйшую за-
дачу критика, но самаго зерна такъ и
не тронулъ. Сегодня поздно говорить объ
изысканномъ и простодушномъ очаро-
ваніи Рауля Дюда, о поэтической прелести
его писанныхъ словно синькой марши-
съ «мемтрами» воли, похожихъ на
дѣтскія каракули и бумажники пародок-
сизма; о патетической по силѣ патети-
ческихъ контрастовъ композиціи Алле-
ка: «Балконъ», гдѣ словно оживае
писанъ Доме съ ея грандіозно преувели-
ченной дѣлкой; объ удивительно расчи-
танной, провѣнчанной строгими рит-
момъ, но непонимающей прѣсной картинѣ
Андре Лота; о вихрѣ полухромихъ кру-
говъ, вращающихся словно пропеллеры
аэроплана на холстахъ Делона; о безпре-
дельной стѣннопости Леже, подобной огром-
ному стѣннопости съ разношерстными
мнѣшеніями. Но необходимо хотя бы устано-
вить участіе русскихъ художниковъ въ
огромномъ, уже отжившемъ сегодня, ор-
ганизмѣ Салона; это оправдываетъ, быть
можетъ, парадоксальную структуру моей
работы, сведенія къ двумъ предислові-
ямъ и послѣдствію.

По масштабу и размаху задания мы
удалили въ первое мѣсто триптихъ Н.
Гончарова «Купальщицы». Абстрактныя
фигуры и массы распределены на трехъ

ПОКАЯННЫЙ РАЗСКАЗЪ

СЪ ПОКОЙНИКА
(Доисторическое)

Быть за-границей и не купить себѣ че-
го-нибудь изъ платя: пальто тамъ какое,
сюртукъ или жилетку поаостатую, счита-
лось по меньшей мѣрѣ глупо.

И на первый взглядъ мнѣ такое, мо-
гу сказать, нисколько не справедливо.
Зналъ я одного, такой былъ у меня прѣ-
тель Петръ Прокопчикъ, изъ кошкодоловъ,
потѣхалъ онъ за-границу, страсть и вгля-
нуть въ чужой, а вернувшись домой, встрѣ-
чаю на Невскомъ — женихъ!

Да и не одного зналъ я такого, пере-
дѣланнаго такъ за-границей, а въ срокъ
самый кратчайшій, и все отъ дешевизны
тамошней, а главное — отъ вкуса.

И скажу по всей по правдѣ, эта мысль
и у меня въ головѣ вертѣла, ну, если не
женитькомъ, то ужъ во всякомъ случаѣ
такъ принарядиться, чтобы, хоть и малую,
лжымъ, чувствовать въ глаза.

«Главное дѣло, девушка, а сдѣлано съ
необходимымъ вкусомъ!»
Это общій голосъ бывающихъ, противъ
котораго не поспоришь, этотъ голосъ и ме-
ня напутствовалъ въ мои дальнія стран-
ствия по чужимъ краямъ.

Сначала-то, какъ я туда прѣхалъ, бы-
ло мнѣ не до покупки: все глядѣлъ я,
что въ глядѣла, и удивлялся, чему всѣ
должны своимъ считаютъ подивиться —
всѣмъжъ Венеркамъ, Мумиямъ и Кофей-
нямъ. И хотѣ не все оно было такъ, какъ
говорилось, да ужъ тутъ некогда разби-
раться, успѣвая только осматривать.

Ну, а какъ обжился да оглядѣлся, и
пришло время назадъ домой ѣхать, вспо-

нималъ и тѣ напутственные совѣты.
«Главное дѣло, девушка, а сдѣлано съ
необходимымъ вкусомъ!»

Такъ въ ушахъ долбитъ и долбитъ.
И ужъ идешь по улицѣ, заводишь чуже-
ла — у портного торгача, коняряженныя
такія розовыя! — и обязательно станешь
и цѣну выспросишь.

И дѣйствительно, что-то, а дешево все
на удивленіе, а ужъ вкусъ —

И въ большихъ магазинахъ пошелъ я для
той же цѣли.

И чѣмъ дальше смотрѣлъ да присма-
тривался, тѣмъ все больше глаза разба-
влялись, и ужъ остановиться ни на чемъ не
могъ — все такъ было и купилъ.

А всего-то покупалъ мнѣ и не къ чему:
мнѣ надо было пальто — лѣтняго у меня
не было.

Ранней весной я прѣхалъ въ Парижъ
въ осеннемъ на ватникѣ, а какъ наступи-
ла жара, на ватникѣ-то и неудобно: безъ
лѣтняго, что говорить, нечего было и ду-
мать домой возвращаться.

Хотѣлъ я попробовать на свой страхъ
— ужъ очень мнѣ одно понравилось: такъ
ни на что не похожее, мышкомъ. Да раз-
думался: еще, думаю, выразиться не су-
мѣю толкомъ — подосунуть какой дамскій
сакъ да и сдѣлать втридорога!

И рассказавъ знакомому своему —
рѣшилъ я на него полагаться и его ука-
заніями воспользоваться — а этотъ зна-
комый мой, Барладьянъ, замѣчательный
человѣкъ: русскій до кончика, а такъ за-
моторѣлъ на чужой землѣ и ужъ по-ру-
ски разузнаваться сталъ и если ругался,

то только по-французски, и, конечно,
зналъ все не хуже настоящаго парижани-
на! — вотъ ему то и рассказываю
и само собой о большихъ магази-
нахъ...

— Большіе магазины! — такъ и напу-
тили на меня Барладьянъ, — да въ
большихъ магазинахъ только одна дурная
покупка: для нихъ и магазины эти от-
крыты. Большіе магазины! И дорого и
дурно, и покупать — только деньгами со-
рится.

И все это онъ знаетъ по собственному
опыту, на себѣ испыталъ и ужъ другу и
недругу по большымъ магазинамъ ходить
завязалъ.

Но за то можетъ такой магазинъ ука-
зать, и совѣтъ небольшой, гдѣ просто
даромъ даютъ — о казіонъ.

И адресъ сказалъ Оказіонъ и для вѣр-
ности на листѣхъ улицу и номеръ дома на-
писалъ и какъ идти:

магазинъ исподалеку отъ Сентъ-Сюль-
писа, на узенькой поперечной ули-
цѣ, такой тѣсной, гдѣ дай Богъ од-
ному автомобилю проскочить, и толь-
ко автобусъ бѣгаетъ.

— Чортъ ихъ не знаетъ, откуда они
такъ такое сокровище собираютъ! И во-
образить себѣ трудно, какая девушка, ни-
же цѣль нѣтъ на всемъ свѣтѣ и не было.
Съ покойникомъ что ли доставляютъ нѣтъ,
чортъ ихъ не знаетъ!

— Съ какихъ покойниковъ?
— Оказіонъ!

И такъ удѣлъ, такъ нахваливалъ мнѣ
Барладьянъ магазинъ этотъ самый и по-
торялъ на всѣ лады, и по-нашему и не по-
нашему —

Шпенглер

«Последняя немецкая книжка» всегда играла большую роль в русской литературе и общественности. Во многих случаях это была роль серьезная и полезная. Но бывали и комичные недоразумения: вроде превращения почтенного философа Авенариуса в «отца социализма», или серьезнейших дискуссий о великом бреду Вейнгингера. В настоящее время мы присутствуем при новом недоразумении, которое однако, является менее смешным и более опасным. Это развитие культуры русского народа вокруг модного в настоящее время в Германии писателя Освальда Шпенглера. Кажется, только этого не хватало, чтобы окончательно сблизить с толку умы, потерявшие равновесие вследствие же пережитого. Ибо Шпенглер — это националистический немецкий философ. И вид особый: германский, условий и настроений настоящего момента нельзя понять ни истинного смысла его учения, ни причины его популярности.

Вашингтон мечтает, от меча и погибнет. Это правило страшно оправдалось на германских господствующих классах. Военное поражение вышло из их рук не только материальное, но и духовное оружие. Идеология, ставившая военную победу в центр мировоззрения, проповедовавшая законность неограниченного военного насилия, — оправдывавшая, во имя военных интересов, монархию и дворянские привилегии, превратившая «дворянскую» гуманную демократию, — потеряла всякую почву под ногами после поражения, нанесенного юнкерской Германией этой самой «дворянской» демократией. Этих кругов Шпенглер дает спасительный выход: это не они побеждены, а вся культура погибает. И его теория является в то же время всемирно-исторической аналогией милитаризма, шовинизма, полицейского государства и социальных привилегий. — всего того, что привело Германию к краху, — и при всем пессимизме относительно будущего «культуры», — оставляет надежду на более важное: на реванш.

Основной принцип «метода» Шпенглера заключается в том, что доказывать ничего нельзя и не нужно. Недаром Ганс Дельбрюк, — один из последних представителей хороших традиций германской исторической науки, — печально заявил, что он не мог даже дойти до конца этого «назаставляющего ума». «Какой миф проклет от автора, который только выставляет утверждения, даже не пытаясь доказать ни одного из них?». Видно упомянув все имя гегелевского Фауста, Шпенглер действительно отлично усвоил знаменитый совет Мефистофеля: «презираю разум и науку, извещаю силу человека». Его отпущенной теорией — примать неразрешимого «существования» (мифологический из чистого видения) над «сознанием», над «жизнью», сознание пытается разложить живую жизнь по мертвой схеме причин и последствий. В историю вить причинности, а парить «судьба». Люди «сознания», мыслители и моралисты совершают великую ошибку, когда пытаются воздвигнуть на активное историческое строительство, составляющее привилегию «людей факта и рока». Вся политическая учения, а в особенности все теории «культуры» суть бессмысленная литература, а не живая история. «Нужно быть героем или счастливцем». И «счастливцы» должны отказываться от жизни и не выживавшие в дала героизм, не признающих ни морали ни — расудна. Кажется бы отсюда прежде всего слезу, что в истории только и можно «действовать» (т. е. воевать), но познать ее бесполезно, а быть менее возможно

Андрей Левинсон

Опечатка

В. предыдущем (6-м) номере «Звезда» в подвале под статью «Кесарево и Божье» вклясла опечатка: вместо «Е. Лурье» слѣдует читать «С. Лурье».

таешься, и рукава шпроченные и опять же длинные, папиросу не закурил. И жарко, словно в зимнем. И вѣб смѣются.

Намаялся я, что говорить, и уж как пеняла на себя, что не надѣл старого — на ватин.

Ну, как-ни-как, добхаль.

А дома, как оглядѣлся, и дѣлать не знаю что.

Надѣну и отогр халат, посмотришь в зеркало — да как-то уж дѣлать попятную, эту самую ширинку дурацкую, и скорѣй долѣй съ плеч да на ватинах, ну хоть иди на Горюхову и покупай новое.

По улицам хожу, притѣваю, кто въ чем и нѣтъ ли у кого еще?

И сколько ни смотрѣлъ, ну хоть что-нибудь подобное, ну хоть раз бы на глаза попалось такое, чтобы живой человек въ таком по улицам разгуливал.

«Может, на слѣдующий год мода вѣдет на такіе халаты!» — ставя я утверждать себя и рѣшал до весны подождать, а пока что оставил пальто на вѣшалѣ висѣть.

Прѣхалъ изъ Конца Левя Шестонъ.

Левя Шестонъ въ Конца на Лѣв Леманъ въ Швейцарію тогда жилъ, философію разрабатывалъ, а въ Петербургъ ѣхалъ прѣйжалъ свои книги устранивать.

Нарочно обрядился я въ мое парикское. Думаю, что-то скажете, вѣдь удивился!

А онъ нисколько и не удивился.

Откуда, — говорить, — такое по-гоинское?

— Какое покойническое?

И я рассказавъ ему всю исторію, какъ и гдѣ купилъ.

— Отъ Сѣн-Сальваса рукой подать.

— Ну, конечно! — смѣется.

Нѣтъ, думаю, онъ нарочно, просто завидуетъ — дѣйствительно, пальто замѣ-

чательное: березовый листъ со сѣвѣжикой!

И завелась у насъ моль въ домѣ.

И чѣмъ я ни травилъ ее, вывѣсти не могъ. Ужъ я и въ профессоръ обращался, къ физикъ — дала онъ мѣхъ-то снѣженыхъ камушковъ, разложилъ я камушки по вѣсамъ углямъ, но и камушки не помогаютъ.

Все же больше и больше, и откуда лѣтитъ, неизвѣстно.

Каюсь, погрѣшилъ на Гржебина.

По соседству жилъ, отъ него, думаю, разводилъ гдѣ въ «шпировникѣ»!

А навело меня на эти мысли слѣдующее: какъ-то рассказывалъ я, будто бы, если собрать нѣсколько десятковъ тоннъ мочи и послать въ Китай, обязательно выладутъ фарфоровую китайскую вазу.

А скорѣй замѣтилъ, какъ Гржебинъ вѣчерами, парадившись въ майскій костюмъ — тепло было, паровое отопленіе! — по комнатамъ будто съ сачкомъ ходитъ и моль ловитъ.

Да, погрѣшилъ тогда на соседа, каюсь.

А моль — тучи летѣтъ!

Что дѣлать? — и вѣлся я за вещи: пересмотрю, думаю, все, и найду гдѣ-то, тутъ ей и конецъ будетъ!

И все пересмотрѣлъ, все старье, а нѣтъ гдѣ-то.

А какъ дошла очередь до пальто, распахнулъ я его, а на немъ — ну, живого мѣста нѣтъ, одна моль — и ползаетъ и скачетъ я. Богъ знаетъ, что моль на моль, да все крупная, жирная! — одна моль! — гдѣ-то.

Ранѣй весной въ первый весенній теплый день пошелъ я на Горюхову и купилъ себѣ простое пальто, не окаяное, обыкновенное.

Алексѣй Мировъ

устанавливать общіе законы историческаго развитія. Однако, Шпенглеръ это дѣлаетъ съ чрезвычайной смѣлостью. Ибо историческое познание — область не «разсуждающей» науки, а интуитивнаго «такта», которымъ обладаютъ «знатоки жизни и людей», каковымъ очевидно и является авторъ. Иначе говоря открывалась неограниченная свобода для произвольной конструкціи. Теорія Шпенглера — «морфология культуры», представляющая собою своеобразное живое существо, рождающееся, живущее и умирающее, проходя обязательно черезъ одинъ и тѣ же стадіи. Общей преобладающей въ культурномъ развитіи человечества быть не можетъ: вѣсны одной культуры въ другую бываетъ лишь чисто поверхностнымъ. Впрочемъ, границы между одной культурой и другой не опредѣляются ни расой, ни географіей, — вообще ничѣмъ, кромѣ произвола автора. Напримѣръ, Римская Имперія въ качествѣ конца античной культуры, должна обязательно страдать полными культурнымъ безплодіемъ, а этому противорѣчитъ хотя бы развитіе христіанства. И вотъ, Шпенглеръ «открываетъ» особый «арабскій» культурный пикъ, включающій библейское еврейство и Персію, — причемъ къ этому пикъ не относятся ни Вавилонъ, ни Египетъ, но за то относится кодекс Юстиниана и Византизмъ!

Обязательной «морфологіей» всякой культуры нѣсколько противорѣчитъ другое положеніе о томъ, что каждая культура имѣетъ свою своеобразную душу, которую люди иной культуры никогда не могутъ понять (за исключеніемъ, очевидно, самого Шпенглера, который раскрылъ всѣ эти «души»).

Для западно-европейской или «фаустовской» культуры характерно стремленіе къ безконечности, въ пространствѣ, во времени. Это выражается... въ династическомъ началѣ, которое совпадаетъ съ національной идеей. Основное же содержаніе національной дѣятельности заключается въ борьбѣ съ другими націями. Дворянство, представляющее «героизмъ и «растительную» волю къ самоутвержденію является государственными сословіемъ по преимуществу.

«Краткій смыслъ длинной рѣчи» — то, что дворянско-монархическая Пруссія, какъ «последняя» нація Западной Европы должна была сыграть роль Рима въ древнемъ мірѣ. Если это не уда-

лось, то потому, что германскій народъ былъ оравленъ либеральными англійскими догмами свободы и пацифизма. Въ Англіи вообще нѣтъ государства, т. е. милитаризма, и она является полярной противоположностью Пруссіи, которая оказывается также противоположностью «социализма», ибо прусскій милитаризмъ и социализмъ, собственно говоря, то же самое. Такимъ образомъ, удается сочетать нѣкоторые кометичные съ социаль-демократическими и основную идею реставраціи и реванша. И Шпенглеръ раскрываетъ свой настоящий «пафосъ» въ страстныхъ тирадахъ противъ пацифизма, который является признакомъ потерн жизненной силы народовъ въ періодъ «цивилизационной» культуры. Полная побѣда безпощаднаго «сознания» приводитъ къ физическому безплодію. Это и есть смерть культуры, что доказывается помимо прележничаннаго обобщенія нѣкоторыхъ данныхъ современной статистики, еще сомнительными гипотезами относительно Рима и совершенно произвольными утвержденіями относительно другихъ культур. После «вымирания» лучшихъ силъ остаются нигда негодные «феллахи», для которыхъ уже нѣтъ исторіи. Таковы-ми являются, между прочимъ... евреи, чуждые еще живой жизни европейской культуры и играющие въ ней разрушительную роль и т. д. въ духѣ банальнѣйшаго антисемитизма.

Итакъ, европейская культура вырождается, близжащее тысячелѣтіе принадлежитъ «новой религіи», которую создастъ Россія. Но «не поздорившись отъ старыхъ похвалъ». Дѣло въ томъ, что въ Россіи собственно совсѣмъ еще нѣтъ культуры. Она еще достигла уровня эпохи Карла Великаго, когда ей при Петрѣ, были искусственно навязаны чуждые формы западной культуры. И вотъ русскій народъ разрушаетъ эти формы руками большевиковъ, порождая этой же искусственной культуры. Сквозь молоте среди германскихъ націоналистовъ увлеченіе Россіей — будущей союзницей въ реваншъ противъ Запада — является проглядывающее старое презрѣніе къ «русскому варварству» — и все это сдѣлать въ обрамкахъ славянофильства и Достоевскаго. И все таки находятся русскіе, усматривающіе въ этомъ новое открытіе!

А. Кулишеръ

Хроника литературы и искусства

ЛИТЕРАТУРА.

«Тайная мудрость Востока» Д. С. Мережковского

Въ «Mercure de France» отъ 15 февраля текущаго года появилась въ переводѣ М. Грамова интересная работа Д. С. Мережковского «Небесная радость земли». Это — часть большого послѣдова- нія о «Тайной мудрости Востока», надъ которымъ въ настоящее время работаетъ авторъ. Во французскомъ переводѣ мы знакомимся съ главами, посвященными Египту, его искусству и религіи.

Мережковский избѣгаетъ грузнаго аппарата ученыхъ трактатовъ. Онъ располагаетъ свой оригинальный и разнообразный матеріалъ въ различныхъ плоскостяхъ. Краткая замѣтка культурно-историческаго характера сѣмьяются наблюдениями надъ искусствомъ, освѣщаются неожиданными аналогіями. Авторъ намѣчаетъ свою тему: «Небесная радость на землѣ» — (такъ восклицаетъ въ египетскомъ богослуженіи великая пахалыница). Эта радость — душа Египта; она наполняетъ его жизнь, несетъ на себѣ его религиозное искусство. Авторъ видитъ тайну воскресенія воплощенной въ живопись и скульптуру Египта. Вся природа объединена въ «небесной радости». «Искусство Египта, говоритъ Д. С. Мережковский, больше чѣмъ искусство и даже больше чѣмъ жизнь: оно — самый источникъ жизни — Религія». Каждая безсмертная оживаетъ косную матерію: вырастаютъ пирамиды — символы трогности.

Послѣдняя часть работы — наиболее оригинальная — говоритъ о «божественной и страшной тайнѣ Египта» — обоженствленіи животныхъ. Только въ ней — послѣднее единеніе земли и неба, «небесная радость на землѣ». Авторъ обостряетъ свои выводы — ставя ихъ въ связь съ русскимъ религиознымъ сознаніемъ (Достоевскій, Розановъ).

Петербургскія изданія

За послѣдній годъ въ Петербургѣ оживилась дѣятельность научныхъ издательствъ. Если печатаніе крупныхъ трудовъ представляется большія трудности, и таковыя насчитывается очень мало, то главное вниманіе издателей и авторовъ обращено на учебныя пособія университетскаго типа. Такъ подъ редакціей проф. Петерб. Университета Д. К. Петрова готовится въ печати серия учебниковъ по исторіи западно-европейскихъ литературъ, въ которыхъ всегда ощущался недостатокъ. Въ первую очередь намѣченъ «Средневековая французская литература» и «Кельтская литература», порученныя единственному въ Россіи знатоку кельтской филологіи А. А. Смирнову. Онъ же въ возрожденіи издательствъ Брокгауза и Ефрона издаетъ «Кельтскій міръ» и сборникъ переводовъ ирландскихъ сѣтъ.

Основанное въ 1918 году Максимомъ Горькимъ издательство «Всемирная Литература», выпускавшее не больше восьми книгъ въ годъ изъ громаднаго накопившагося въ редакціи рукописнаго матеріала, за вѣснѣ 1922 годъ стало работать гораздо болѣе интенсивно и опечата- тало около двадцати томовъ переводовъ съ разныхъ иностранныхъ языковъ. Изъ наиболѣе интересныхъ новинокъ отмѣтимъ слѣдующія: Новое изданіе «Фауста» Гете въ переводѣ покойнаго Холодковского, совершенно переработанномъ подъ редакціей М. Лозинскаго со вступительной статьёй проф. В. М. Жармунскаго; два тома комедій Гольдони въ переводѣ И. и А. Амфитеатровыхъ; драмы Байрона въ переводѣ Вукина и Брыскаго; романъ выдающагося португальскаго писателя Эса-де-Кабрало «Религия» въ переводѣ А. Брусова. Кромѣ того, «Всемирная Литература» знакомитъ публику со злободневными новинками, иногда сомнительнаго достоинства, въ родѣ напущившихъ «Атлантиды» Пьера Бенуа и негритянской «Ватула».

Художественныя монографіи. Берлинское отдѣленіе издательства «Петрополисъ» приступило къ печатанію художественныхъ монографій о Добужинскомъ и о графѣхъ Альтмана, а также книги художника Бориса Григорьевича о Бретаніи. Кромѣ русскаго текста, готовится переводъ всѣхъ этихъ книгъ на англійскій и французскій языки. «Графика Альтмана» появится одновременно на древне-еврейскомъ языкѣ.

ТЕАТРЪ.

Зачатки постоянного русскаго театра въ Парижѣ

Н. П. Аслановъ и А. М. Смодовскій, начинающіе съ 25 марта серію постоянныхъ спектаклей въ Парижѣ. Предполагается давать по 2 спектакля въ мѣсяцъ въ центрѣ Парижа (первый — въ театрѣ отелъ Мажестикъ) и по 3-4 спектакля въ театрахъ кварталовъ, особенно густо населенныхъ русскими (въ театрѣ Ланкри, въ кварталѣ Републик). Режиссерская часть — въ рукахъ Н. П. Асланова.

Инициаторы дѣла рѣшили начать съ легкаго репертуара, состоящаго изъ иностранныхъ и русскіхъ комедій. Къ сожалѣнію, недостатковъ въ Парижѣ русскаго комедійнаго репертуара, заставилъ выбрать для перваго спектакля двѣ французскія пьесы и одну англійскую.

Въ первомъ спектаклѣ выступаютъ г-жи Прохорова, Литерхисъ, Алексѣева, г. г. Аслановъ, Гайдаровъ, Масольскій и др. Къ участію въ слѣдующихъ спектакляхъ будутъ привлечены г-жа Лисенко, г. г. Коллинъ, Можухинъ и др. Намѣченъ въ постановкѣ въ серединѣ весны диккенсовскій «Сверчокъ на печѣ», нѣмѣйшій стоить большой успѣхъ въ Студіи Московскаго Худож. театра.

10 проц. залогового сбора поступитъ въ пользу союза Землячества.

Въ Петербургскихъ театрахъ

Въ Народномъ домѣ поставлена пьеса гр. А. А. Толстого «Любовь — книга золота». Режиссеромъ спектакля былъ А. Р. Кутелъ. Новинкой явился комедія Луначарскаго «Три пунтика».

Недавно возникшій «Свободный театр» ставитъ преимущественно пьесы Н. Н. Евренкова.

Въ «Ассасжѣ» попрежнему Е. Грановская, Надежда и Смолитъ въ фарсовомъ репертуарѣ. Идетъ сейчасъ «Комиссаръ нашего района».

Въ залѣ Б. Теплявскаго училища возникъ «Театръ юного зрителя», который ставитъ пьесы Ив. Шмелева «Догонимъ солнце».

«Театръ Эксперимента», созданный учениками Мейерхольда, дебютировалъ «Женитьбой» Гоголя, въ футуристическомъ декорационнѣ, съ волевой переработкой текста и внесениемъ въ него злободневнаго элемента.

ROSSICA.

Отдѣльнымъ изданіемъ, у Плонъ-Нурри вышли «Восенній вождь» Тургеневъ въ переводѣ г. Марка Семенова.

Періодическія изданія.

Ревю Эрпенетъ (мартъ): Писма Достоевскаго къ Страхову, переведенныя съ нѣмецкаго и начало воспоминаній Максима Горькаго, въ переводѣ г. Доменіана де Граммона.

Ревю де Палль. Лестригоны А. И. Куприна въ пер. А. Ф. Манго и статья Манго о Купринѣ.

Ревю Юниверселль (мартъ): Б. Суворина; Русская луна.

Ревю Модалъ (мартъ): Н. Зворжикъ; Mouton de Sings.

Ревю де Женевъ (мартъ): Г. Алексинскій; Россія и Турція.

Ревю Музикаль (мартъ): Воспоминанія о. Сергія Волконскаго о Петербургскомъ оперѣ; тамъ же портретъ Лабла, раб. Ив. Лебедева.

Комедія, 10 марта: Отырвокъ изъ новонайденныхъ Доллининыхъ въ архивѣ цензурнаго комитета страны, относившихся къ «Мертвому Дому» Достоевскаго, въ переводѣ В. Полежа.

Отзывы о книгахъ

Леонтьевъ де Лия. — Эриния. Переводъ изъ французскаго языка М. Толочкова. Режиссерскій указаній В. Н. Соловьева. Эскизы декораций и костюмовъ А. Я. Толочкова. Петрополисъ, Петербургъ 1922.

Русскій переводъ трагедіи Леонтьева де Лия составляетъ второй выпускъ въ серіи «Памятниковъ мирового репертуара», выходящій подъ редакціей проф. Д. Петрова и И. Блоха. Первый выпускъ была «Эриния» или «Молчаливая женщина» Бен-Джонсона въ переводѣ Е. и Р. Блоха. Намѣченъ длинный рядъ дальнѣйшихъ изданій; нѣкоторая изъ нихъ уже печатается.

Новая коллекція и по своему заглавію и по художественному выполненію достойна самого серьезнаго вниманія. Имена редакторовъ, переводчиковъ и издателей служатъ порукой высокой цѣнности этого начинанія. Каждый томъ снабженъ краткой вступительной статьёй литературнаго характера, иллюстраціями, библиографическимъ указателемъ, и, что особенно интересно — режиссерскими замѣтками. Драматическіе произведенія оказываются полно и оригинально освѣщенными.

Переводъ монументальнаго созданія Леонтьева де Лия — плодъ долгой творческой работы. Переводчикъ знаетъ, что тайна очарованія этой трагедіи прежде всего въ ея стихахъ. «Во всей драматической литературѣ Франціи нѣтъ, можетъ быть, ничего равнаго по великолѣпію стику инымъ отрывкамъ «Эринии». И онъ ставитъ себѣ задачу изъ «дѣлать текстъ по возможности равноцѣннымъ французскому». Этой «цѣлью» цѣли онъ достигъ. Русскій «Эриния» занимаетъ место наряду съ самыми совершенными образцами нашей переводной литературы. М. Лозинскій сохраняетъ въ стилистическіи и ритмическіи особенности подлинника: положеніе фразы въ стихѣ, члененіе стиха, строеніе періода, образы, инструментальную и рифмы.

Въ этой виртуозности, въ этихъ невѣроятныхъ tours de force — никакого напряженія. При полной близости къ французскому синтаксису — фраза остается русской, естественно-принудительной. Интересныя замѣтки Соловьева и его проектъ постановки. Эскизы Толочкова выразительны и строги. Книга издана «Петрополисомъ» со вкусомъ и стараніемъ.

К. В.

«Завтра». Литературно-критическій сборникъ подъ редакціей Евг. Замiatina, М. Кузмина и М. Лозинскаго. Петрополисъ, 1923 г. Выпускъ первый.

Первый выпускъ сборника «Завтра» содержитъ пестрый и разнообразный матеріалъ: стихотвореній, беллетристическій и критическій. Однако, въ перспективѣ литературной эволюціи послѣднихъ лѣтъ онъ отражаетъ нѣкій общій уклонъ, о которомъ, между прочимъ, говоритъ самъ М. Кузминъ въ критической статьѣ: «Парнасскія заросли»: «у поэзіи, какъ у исторіи, возможно колесо. Вѣрнее, у литературы. И я... думаю, что скоро оно повернется въ сторону поэзіи» (стр. 122).

И дѣйствительно, для сборника, если не для всего нашего литературнаго «завтра», показательно преобладаніе беллетристическаго элемента. Правда, имя Замiatina фигурируетъ пока только на обложкѣ, но зато другой редакторъ сборника, М. Кузминъ, выступаетъ въ первомъ же выпускѣ и въ качествѣ поэта и въ качествѣ беллетриста, причемъ только въ послѣднемъ онъ остается на высотѣ своего имени. Кузминъ беллетристъ наглядно и бесспорно, на виду у всѣхъ, побѣжда-

етъ автора «Сѣтей» и «Александрійскихъ вѣнцъ».

Характерна скудность и случайность въ подборѣ всего стихотворнаго матеріала. За исключеніемъ строгаго и благозвучнаго амфибрахическаго «Бѣлени» Ахматовой, нѣтъ ни одной значительной стихотворной вещи. На рѣзкость безпошечности Вл. Вейдле, пытающагося уластить острую манеру Маяковскаго, многофигурно-дерзавые полушумъ М. Зенкевича на стихотворнѣ, интересная по описательнымъ приемамъ, но лишенная лирической пріятности его прѣвншихъ вещей. И совершенно безгласной и убогой кажется намъ поэма М. Кузмина «Лѣсенка», гдѣ стихотворное кликушество достигаетъ размѣровъ доселѣ невиданныхъ.

Что ребенка рождаетъ? Летучее сѣмя. Что кипарисъ на горѣ вздымаетъ? Оно. Что возводитъ звенящихъ пагодъ? Летучее сѣмя.

Что движеніемъ горитъ Divina Comedia? Оно! А ридомъ съ «Лѣсенкой» стоитъ выпуклый и сочный повѣствовательный эскизъ того же Кузмина — «Сѣвѣное озеро», съ его прозрачной и безукоризненной, четкой, какъ хрусталь, прозой. И тутъ же — поразившій увѣренностью манеры рассказъ «Камни» Н. Никитина и двѣ вещи, порожденные войной и революціей: «Поручикъ Архангельскій» М. Соловьева и «Карованъ Архангела Гавриила» Вл. Манова. Изъ нихъ каждая по своему обогатитъ какой-то близкой и терпкой облюю. И если подлинно суждено настать «вѣкъ прозы», первая книжка «Завтра» послужитъ тому цѣннымъ памятникомъ.

Е. М.

Д-ръ Д. С. Пасманикъ. Русская революція и еврейство. Большеизмъ и иудаизмъ. Парижъ 1923 г. Изд. «Франко-Русская печать».

Подъ вліяніемъ всѣхъ ужасовъ и преступленій большеизма, реакція Европы, а особенно русская эмигрантская реакція, старается приписать евреямъ всѣ грѣхи большеизма и даже поставитъ знакъ историческаго равенства между русскими и евреями. Издаются спеціальныя книги, брошюры; по всей Европѣ стелется удушливая легенда Сіонскихъ протоколовъ, и пользуются несмѣтными жестокостами совѣтскаго строя, — растетъ и ширится повсемѣстная грубая антисемитская пропаганда.

Къ проблемѣ о взаимотношеніяхъ между большеизмомъ и иудаизмомъ подошелъ д-ръ Д. С. Пасманикъ въ своей книгѣ «Русская революція и еврейство». Авторъ прежде всего анализируетъ причины большеизма. Она подробно останавливается на преступной бездарности русской реакціи, доведшей Россію до развала, не справившейся съ войной. Относятся весьма рѣзко къ февральской революціи, давая самую рѣзкую характеристику ея дѣятельности, обвиняя Временное Правительство, авторъ, однако, рѣшительно заявляетъ, что «заблудила Россія полная безответственность Николая II».

«Русскій бунтъ» создали не евреи, а русскіе люди, — повторяетъ авторъ, подчеркивая въ своей критикѣ революціи истинныя историческія моменты русскаго народнаго сознанія. Понимая, что критикой революціи по рѣшенію той правой группировки, къ которой онъ принадлежитъ, — Д. С. Пасманикъ переходитъ къ части социально-философской, — къ сущности иудаизма.

Онъ очерчиваетъ этическую суть Ветхаго Забѣта, этическія ученія иудаизма вообще и, опираясь на древніе источники, доказываетъ, что иудаизмъ чуждъ революціи и является «великимъ ученіемъ имманентной эволюціи». Разбирая послѣднее основаніе, авторъ старательно сравниваетъ дѣтину коммунизма и систему иудаизма, каждый разъ обнаруживая несходство этихъ двухъ идей.

Затѣмъ Д. С. Пасманикъ переходитъ къ историческому очерку участія евреевъ въ политической жизни Европы и въ русской революціи, чтобы на рядѣ фактовъ и примѣровъ показать, что евреи принимавшіе участіе въ революціонныхъ движеніяхъ не какъ евреи, а какъ ассимилировавшіеся единицы. Приводя общезвѣстные факты, авторъ справедливо подчеркиваетъ, что власть Ленина обезпечена не участіемъ евреевъ въ большеизмѣ, а поддержкой царскихъ офицеровъ и царскихъ генераловъ, создавшихъ красную армію. Относятся сочувственно къ блѣдному движенію, Д. С. Пасманикъ все же открываетъ и безогоровадно говоритъ о преступленіяхъ добровольческой арміи; онъ описываетъ погромы и грабежи добровольцевъ, грабительскую дѣятельность генерала Шкуро, говоритъ объ убійствѣ, о тысячахъ изнасилованныхъ женщинъ, о добровольческихъ офицерахъ, хваставшихъ количествомъ повѣшенныхъ евреевъ, о провокаціонныхъ статьяхъ Шульгина и т. д. Въ устахъ автора, по собственному признанію «поддерживающаго асьми своими сиромыми силами блѣдое движеніе» эти страницы приобретаютъ особый интересъ.

Книга заканчивается изложеніемъ политическихъ прогнозовъ автора, гдѣ еврейскія проблемы связаны съ обще-русскими путями, и въ этой своей части, конечно, нѣтъ сомнѣній въ справедливости политическихъ тенденцій автора.

Центральная часть книги — анализъ иудаизма и его отношеній къ большеизму, — несомненно самая цѣнная; она дѣлаетъ новую книгу Д. С. Пасманика интересной и для тѣхъ читателей, которые не раздѣляютъ общеполитическихъ конструкцій автора.

П. Е.

